

И. М. Москвин

К 65-летию со дня рождения

Шестьдесят пять лет назад родился замечательный русский актер Москвин — один из тех мастеров Художественного театра, в творчестве которых запечатлена его история. Художественный театр создал актера Москвина, и актер Москвин, вместе с Качаловым, Леонидовым, Лужским, Артемом, вместе со своим великим учителем Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко, создал Художественный театр. Театр подымал актера, актер подымал театр.

Вот лучший пример единства актера и ансамбля, плодотворности коллективного творчества. История актера Москвина опровергает все легенды о скванности актера в «режиссерском» театре.

Первая же роль, сыгранная Москвиным в Художественном театре — царь Федор, — сделала его знаменитым. В этой роли Москвин научился передавать все нюансы душевной жизни героя. Его Федор пытался любить и жалеть людей, терпел горькие разочарования, уходил в свой замкнутый маленький мирок, тяжело страдал, когда рушились все иллюзии покоя и умиротворенности, стремился возродить в себе гневную силу Грозного, снова и снова убеждался в своей бессилии, с завистью смотрел на спокойную мощь Годунова. Он переживал драму бессилия в кругу сильных, но недобрых людей.

Москвин обнажил перед зрителем все тайники души героя, — так выполнил он первый, «изначальный» завет художественного театра. Мхатовский тезис о «переживании» обрел в игре Москвина плоть и кровь, получил высокое художественное оправдание.

Кого бы ни играл с тех пор Москвин — печального весельчака Впиходова или стяжателя Пазухина, прониру Загорецкого или ухаря-кушца Хлынова, невероятнейшего лицемера Опискина или Ноздрева, он всегда помнил «символ веры» Художественного театра и умел показать, чем жив его герой. Поэтому-то роль Хлынова была законченным психологическим портретом и не рассыпалась каскадами трюков, хотя веселой сценической игры Москвина — Хлынова хватило бы на десять комедийных спектаклей. Поэтому и в Впиходове мы не угадываем, а воочию видим и склад души, и маленькие житейские интересы, и скромные мечты, и убогую скуку ничтожного существования.

Урок Москвина одинаково поучителен и для тех, кто умеет лишь плести затейливые кружева сценической игры, и для тех, кто погружается в бездны психоанализа и тонет в них с головой. Первым Москвин покажет, какую силу обретает сценический образ, когда его пронизывают живые человеческие эмоции, вторых он научит делать тайное явным, облекать беспечные создания интуиции и фантазии в нарядные одежды сцены. В мастерстве представления он сильнее любого искусника жеста и позы. В искусстве переживания немногие могут сравниться с ним глубиной чувств, силой страстей.

Как отзывчив Москвин на каждое человеческое чувство, на все, что волнует и ранит человека!

Недаром среди шедевров Москвина одно из первых мест занимает горьковский Лука. Умный и хитрый старик старается ложью смягчить страдания умирающей женщины не потому, что не видит разницы между ложью и правдой или отдает предпочтение первой. Ему больше нечем помочь людям, он не знает ничего другого, что может скрасить предсмертный час человека. И потому у Луки такая улыбка, такие печальные шутки. Он сам знает цену своим утешениям. Выдавшие Москвина в роли Луки обязательно сохраняют в памяти если не слова Луки, то весь облик его, запомнят глаза и улыбку этого странника, знающего, как живется людям на земле.

В бесконечных разговорах о реализме и сценической правде теряешь иногда представление о том, как же выглядит все это на деле, в искусстве. Стоит обратиться к списку ролей Москвина, и все эти отвлеченные понятия оживают, раздвигают узкие рамки, в которые они иногда бывают волино или невольно заключены.

Как играет Москвин Хлынова, Опискина? Нет ли здесь «экажерации», некоторого преувеличения или того, что иногда называют эксцентриадой? Сам Москвин употребляет слово «гротеск» только как бранное — в статье о «Смерти Пазухина», например. Однако гротеск есть и в «Смерти Пазухина», где Москвин выступал как актер и как режиссер. Потому что без гротеска Салтыкова-Щедрина не сыграть. Действительно, попробуйте представить себе роль Фурначева, сыгранную без сатирической злости, без комедийного озорства! Есть это озорство и в Хлынове. Есть сатирическая злость и в Фоме Опискине, да и может ли быть иначе? Наши классики не были вегетарианцами, они умели и любили сгущать краски до гротеска там, где это было нужно. Актер может думать о жизненной правде, а сыграть гротеск. Потому что гротеск в иных случаях и есть жизненная правда.

Реализм Москвина — понятие широкое, всеобъемлющее. Этот реализм не боится эксцентрической остроты характера (Хлынов), он подымается до трагикомического (Черваков в «Унтиловске» Леонова), он вмещает в себя сатиру. От царя Федора и Луки до Опискина, до Хлынова — вот реализм Москвина! Гротеску в дурном смысле слова, то-есть пустому кривлянию и бессмыслице, здесь нет места, потому что для Москвина и Опискин — живая человеческая личность, а не вадорная маска из хоровода чудищ. Опискин — Москвин и смешон, и страшен. Но ведь такого Фому и написал Достоевский!

Границы художественной правды узки только для узких художников. Москвину на сцене просторно.

Не боится Москвин и жанровой красочности, не боится погрузиться в «быт». Длиннобородый Пазухин-сын будто срисован с замоскворецких дельцов. Но здесь «быт» — не натуралистическая самоцель. В «бытовом» Пазухине столько же обобщения, сколько и в «гротесковом» тархановском Фурначева.

Москвин любит речь Щедрина, он любит красочное русское слово, как подлинно русский национальный художник. И быть может потому-то так и любит он сочную бытовую характеристику героя.

В сотканной Москвиным роли не заметишь никаких «янтюк», никаких следов упорной, кропотливой черновой работы. На сцене — образ законченный и цельный, будто рожден он единым порывом вдохновения мастера.

★

Два десятилетия Москвин строит вместе со своими прославленными соратниками величественное здание советской художественной культуры. Труд актера Москвина стал частью всенародного дела. Один из старейших представителей прогрессивной русской интеллигенции стал активнейшим создателем новой социалистической культуры. Поэтому, как достойная награда труду актера, прозвучали слова простого документа, который станет историческим в летописях советской культуры:

«Кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Фрунзенскому избирательному округу от рабочих, служащих, инженеров и техников, коммунистов и комсомольцев завода «Электросвет» выдвинут товарища Ивана Михайловича Москвина, дважды орденосца, народного артиста СССР, отдавшего больше 40 лет своей жизни служению искусству.

Я. ЛЬВОВ